

ЗАМЕТКИ О ТАРТУ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ОСВОЕНИЕ МЕСТА*

РОМАН ЛЕЙБОВ, ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

1. Тарту в русских стихах (конец XX – начало XXI вв.)

Цель нижеследующей заметки самая скромная: продемонстрировать и, по возможности, расклассифицировать коллекцию упоминаний о Тарту в русских стихотворениях последних сорока — пятидесяти лет. Ни в коей мере не претендуя искусственно громоздить очередной городской *текст* или, скажем, *урочище*, мы лишь хотим понять, что и почему в реальном Тарту оказалось отобраным для Тарту поэтического. Или (другими словами): какие приметы придают Тарту лица не общее выражение в глазах человека со стороны. Для ответа на этот вопрос мы обратимся к текстам разных авторов: от Юнны Мориц до Юрия Минералова, от Иосифа Бродского до Ербола Жумагулова.

Для некоторых российских поэтов «Тарту» это просто экзотически звучащее и потому застревающее в памяти слово, предоставляющее богатые возможности для в разной степени изошренных фонетических игр. Топоним «Тарту», использованный в упражнениях подобного рода, имеет весьма косвенное отношение к реальному эстонскому городу. Приведем несколько примеров: «Утром бродит он по Тарту, // Днем гуляет по Арбату!» (Джон Ник)¹; или: «100 татар — туристы в Тар-

---

* Статья написана в рамках темы целевого финансирования TFLGR 0469.

Первая часть предлагаемой статьи написана О. Лекмановым, вторая — Р. Лейбовым.

¹ <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=62510>.

ту» (Герман Лукомников)²; или: «Тарту — Мир и Рим утрат» (Савелий Гринберг)³; или еще один палиндром: «Тарту дорог как город утрат» (Илья Фояков)⁴; или такие три лимерика: «Бедный мальчик из города Тарту // Всем показывал пальцем на карту // И таскал на билет, // Сигарет и котлет, // Хоть и не был он вовсе из Тарту» (Ольга Арефьева)⁵; «Говорила из Тарту мне Марта: // “Вы подумайте, вот ведь кошмарто! // Он две чашки помыл — // И свалился без сил. // И настало девятое марта”» (Домино);⁶ «Седовласый профессор из Тарту // Захотел в государство Урарту. // Но на автовокзале // Убежденно сказали, // Что автобус не ходит в Урарту» (Нина Энская)⁷. Впрочем, автор последнего текста, кажется, все-таки бывала в Тарту, причем уже в постсоветское время. Во всяком случае, ей известно как сегодня легче всего выехать из города. Сравним со строками поэта, как мы знаем, побывавшего в Тарту только в советскую эпоху и, судя по следующему далее примеру, приехавшего сюда поездом (здесь и далее курсив в цитатах мой. — *О. Л.*): «Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга, // нет! как *платформа* с вывеской “Вырица” или “Тарту”» (Иосиф Бродский)⁸.

В текстах российских стихотворцев встречается мало примет, по которым можно узнать Тарту. Приведем здесь полностью и с сохранением особенностей авторской орфографии стихотворение «Моя любовь к Тарту (город)»: «Люблю я город башень древних // И золотые купола церквей // Люблю я зелень парков летних // И солнечную радость этих дней» (Алекса-Чвикова)⁹, а также следующее короткое и энергичное послание: «Одегов, времени излишек // потрать на Тарту, черт

² <http://www.vavilon.ru/bgl/wbon3.html>.

³ <http://www.jerusalem-korczak-home.com/bib/gri/gri1.html>.

⁴ <http://eressea.ru/ambar/humor/humor11.shtml>.

⁵ http://www.amdm.ru/akkordi/olga_arefeva/9914/limeriki/.

⁶ http://artmosfera.sachkodrom.ru/turnir/turnir4/vse_stihi.php?idmavtora=233&nameavtora=%C4%EE%EC%E8%ED%EE.

⁷ http://newperegrin.narod.ru/nina_en/nina_en_text.htm.

⁸ Сочинения Иосифа Бродского. СПб., МСМХСІV. Т. III. С. 142.

⁹ <http://lyrik.rc-mir.com/gedicht2711.html>.

возьми! // Там много девушек и шишек // и прочей радостной возни» (Ербол Жумагулов)¹⁰.

Но и в другом, несравненно более изощренном стихотворении (Юнны Мориц), на место действия нам указывает только каламбурное заглавие, намеком — экзотический для России 1969 года «камин»:

МАРТ В ТАРТУ

Отбросим ветку от окна
И выглянем наружу,
А там увидим, как весна
Перемогает стужу.
Сугробы вянут на глазах,
И сад шалит капелью,
А только день тому назад
Исхлестан был метелью.
Казалось, это — навсегда,
Как римское изгнание,
А вот прошло — и ни следа,
Одно воспоминание.
В камине скука сожжена,
Как черновик негодный.
Душа прекрасно сложена —
Как раз чтоб стать свободной.
И все овеять и назвать
Своими именами,
И прутья в чашке целовать,
И сочетаться с нами¹¹.

Очень часто Тарту оказывается в российских стихах почти лишенным индивидуальных примет, поскольку предстает городом таинственным и незнакомым, располагающимся за границами привычного, обжитого пространства: «Нынче твой взгляд потух. // Нынче твой голос тих. // Где-то цветы цветут, // Где-то должны цвести. // Только не здесь, не тут, //

---

¹⁰ <http://erbol.livejournal.com/19400.html>.

¹¹ Мориц Ю. Лоза. Книга стихов. 1962–1969. М., 1970. С. 140–141.

А там, где нельзя грустить: // В загадочном ли Тарту? // В Париже (bon appétit!)? // На Лондонском ли мосту, // Туманном, где english tea // И корабли в порту?» (Наташа Ткачева)¹². Или: «Мне Тарту не дорог как город утрат, // Я в нем не бывал никогда, // И в нем не живет мой двоюродный брат, // И друг не уехал туда. // Я не оставлял в нем сестер и подруг, // Последних и тщетных надежд, // И даже отец, уезжая от вьюг, // Себе выбирал Будапешт» (Ежов)¹³. Или: «Здесь мир иной; глаза глядят иначе // Здесь у людей. Иные складки губ. // Когда уйду, я стану чуть богаче, // Мир пропустив сквозь перегонный куб» (Николай Рымвид)¹⁴. Или: «Оттого ли, что не связан // Был никто из нас душой // С этим дубом, с этим вязом, // С этой улочкой чужой, — // Удивительную легкость // Мы испытывали вдруг, // И влюбленность, и неловкость, // И тревогу, и испуг» (Александр Кушнер)¹⁵.

В ряде стихотворений малознакомый Тарту проявляет тайную или явную недоброжелательность по отношению к непрошенным гостям. Таково, например, описание путешествия из вполне советского Харькова во вроде бы советский Тарту, относящееся к самому началу 1970-х гг. (автор Н. Жук).

Первая строфа:

Харьков проводил нас в дальний путь.
Дверь вагона настезь — больше света,
Как приятно поутру вздохнуть,
В воздухе давно уж пахнет летом.

Последняя строфа:

И опять туманы и дожди,
Как назло испортилась погода —
Город незнакомый, подожди
Ты с дождем в такое время года!!¹⁶

¹² <http://www.club16.info/blog/category/1/15>.

¹³ <http://neurus.narod.ru/zlato/poeziya/ezhov.htm>.

¹⁴ <http://lib.ru/ZHURNAL/rymwid.txt>.

¹⁵ Кушнер А. Избранное. СПб., 1997. С. 40.

¹⁶ <http://zhuck1.narod.ru/sti.htm>.

Или такое стихотворение Игоря Федорова начала 2000-х гг.:

Остывшее садится солнце.
 За ратушей, у кабака,
 Дерутся пьяные эстонцы —
 С эстонской страстью мнут бока!
 В ко сну готовящемся Тарту
 Метелят пятеро двоих.
 И у меня хватает такта
 Не вмешиваться в драку их.
 Культурно прохожу по краю —
 Поодаль (мало ли чего)...
 Я их обычаев не знаю.
 Я их не знаю.
 Никого¹⁷.

Тут изображается типовой прибалтийский город из российско-го анекдота, превращенный в Тарту едва ли не ради щегольской рифмы «Тарту»/«такта».

Порой, в соответствии с несоветской модой молодежи советского времени — это оказывается путешествие автостопом (как у Натальи Горбаневской):

Господи, все мы ищем спасенья,
 где не ищем — по всем уголкам,
 стану, как свечка, на Нарвском шоссе я,
 голосую грузовикам.
 Знаю ли, знаю ли, где буду завтра —
 в Тарту или на Воркуте,
 «Шкода» с величием бронтозавра
 не прекращает колеса крутить.
 Кто надо мною витает незрим?
 Фары шарахают в лик херувима.
 Не проезжай, родимая, мимо,
 иначе все разлетится в дым.
 Не приводят дороги в Рим,
 но уходят все дальше от Рима¹⁸.

---

¹⁷ Федоров И. Правый ботинок. М., 2010. С. 24.

Или, скажем, такой, битнический вариант развития темы (как у Умки):

Застопишь «Колхиду» в городе Нарве
И, не доезжая до Кохтла-Ярве,
Взгляни на карту, взгляни на карту.
Сверни на Тарту,
Стрельни сигарету у шофера.
Посетуй, что нету «Беломора».
Смотри на карту, смотри на карту.
Ты едешь в Тарту.
Автостопный блюз.
Ты — попутный груз
Из Москвы в Нагасаки,
Из Москвы в Нагасаки,
Из Нью-Йорка на Марс.
Кури понемногу, улыбайся.
Смотри на дорогу и врубайся.
Смотри на карту, смотри на карту.
Ты едешь в Тарту.
Ни дома, ни года, ни дня, ни часа,
Есть только свобода, есть только трасса.
Ты молишься марту, ты молишься марту.
Ты едешь в Тарту.
Автостопный блюз.
Ты — попутный груз
Из Москвы в Нагасаки,
Из Москвы в Нагасаки,
Из Нью-Йорка на Марс¹⁹.

---

¹⁸ <http://sart27.livejournal.com/38028.html>. Ср. там же автокомментарий Н. Горбаневской к стихам о Тарту: «Это 64 год, осень, когда я ехала автостопом из Ленинграда в Тарту (впервые — с Лотманом мне еще только предстояло познакомиться). На следующий год после этих стихов Сеня Рогинский писал мне цитатой из “Кюхли”: “Приезжай в Дерпт. Дерпт — хороший город?”».

¹⁹ <http://trassa.travel.ru/life/umka.htm>.

В этом примере, как и в некоторых других, приведенных выше, рассказ о Тарту подменяется описанием пути к нему, в данном случае, как к двери в Европу и во весь остальной мир.

И все же есть одна, но зато очень важная реальная примета, которая в русских стихах последних сорока — пятидесяти лет отделяет Тарту от остальных эстонских топонимов. Тарту — это город при университете, тартуские студенты и студентки — это самые заметные городские жители, то и дело появляющиеся в стихах на соответствующую тему: «Засим — в меня влюблен немецкий студиозус. // Он дарит мне цветы, посланья в шесть листов // (Набор возвышенных и непонятных слов) // И стихотворный вздор про соловья и розу» (Из стихотворения «В окрестностях Тарту») (Евгения Смагина)²⁰. Или: «...Развалины. Внизу — вечерний Тарту. // А век известный. Мимо не сычи — // студенточки порхают, глухи к факту: // беззвучно месса времени звучит» (Юрий Минералов)²¹. Или: «Студенты в шапочках гуляют — // дурацких, с черным козырьком — // и вдохновенно выпивают // горячий кофе с молоком» (Алексей Пурин)²².

Колоритный портрет тартуского студента набросан в стихотворном гротеске Давида Самойлова:

Вторая кружка для студента,
Косого дьявола из Тарту,
Который дважды выпил где-то
И начинает третью квартиру.

Он в сером свитре грубой вязки,
По виду — хват и забияка,
Он пьет и как-то залихватски
Разламывает шейку рака.

Он здешний завсегдатай. Дятел,
Долбящий в ресторанный столик.

²⁰ http://hironda.ya.ru/replies.xml?item_no=51.

²¹ <http://www.mineralov.ru/grigorov.htm>.

²² Пурин А. Архаика. Книга стихов. СПб., 1998. С. 38.

Он мефистофель и приятель
Буфетчицы и судомоек²³.

При этом для любого, хоть сколько-нибудь просвещенного русского автора Тарту это был город не только и, может быть, даже не столько при университете, сколько при Юрии Михайловиче Лотмане и его кафедре. Имя автора «Сотворения Карамзина» и комментария к «Евгению Онегину» упоминается в русских стихах гораздо чаще, чем имена всех остальных тартусцев вместе взятых.

Оставим сейчас в стороне шуточные студенческие вирши, а также стихотворения, в которых Лотман оторван от Тарту, например, выразительный коллективный словесный портрет снобствующих ленинградских юношей и девушек, исполненный Львом Лосевым:

они о тексте, как учил их Лотман,
судили как о чем-то очень плотном,
как о бетоне с арматурой в нем...²⁴

или такое издевательское перечисление Тимуром Кибировым попугайски заученных позднесоветской богемой модных имен: «Лотман, Лотман, Лосев, Лосев, // де Соссюр и Леви-Стросс! // Вы хлебнули б, мудочесы, // полной гибели всерьез!»²⁵.

Приведем целиком стихотворение Виктора Кривулина 1968 года, изображающее встречу самого известного тартуского (дерптского) студента с самым известным тартуским профессором:

Каково тебе, — Языков-мальчик,
в структуральном Дерпте жить?
шейку вытяни, спроси бокальчик
в ресторане одиноком,
где кривой пропеллер вертит
рукавами над столом, —

²³ *Самойлов Д.* Стихотворения. СПб., 2006. С. 198–199.

²⁴ *Лосев Л.* Собранное. Екатеринбург, 2000. С. 52.

²⁵ *Кибиров Т.* Сантименты. Белгород, 1994. С. 177.

пей квадратный воздух смерти,
сжатый розовым стеклом.

А войдет усатый Лотман —
ты одерни сюртучок,
поклонись ему свободно,
нервно дергая зрачком²⁶.

Характерно, что без упоминания о Лотмане не обошлось и фотографически точное стихотворение, воспроизводящее атмосферу Тарту 1989 года:

Город плакатами был залеплен:
«Пакт Молотова-Риббентропа».
Бродила старуха. Она кукарекала,
Но никого никогда не трогала.
Был и алкаш, сочинивший
«Вторую жизнь Электрона Карловича».
И заезжие гости, дивившиеся
Лекциям ЮрМихальча²⁷.

Общий вывод из всего сказанного очевиден: для русских поэтов второй половины XX столетия украшением Тарту стал университет, а украшением тартуского университета — лотмановская школа русской филологии.

2. «Тарту»: имя и рифма

В нашей заметке мы затронем частный аспект более обширной проблемы, обозначенной выше: слово «Тарту» будет рассмотрено здесь как единица современного русского рифменного пространства²⁸.

²⁶ <http://www.kkk-bluelagoon.ru/tom4b/krivulin2.htm>.

²⁷ <http://tihomir-e.livejournal.com/7720.html>.

²⁸ Материалом для нас служили 65 текстов самого недавнего времени, найденных нами в интернете (на трех серверах с автопубликацией и в «Журнальном зале» РЖ); некоторая часть их напечатана в русских «толстых журналах», но большая часть представляет собой сетевой самиздат со всеми присущими этому типу

Под «рифменным пространством» мы понимаем:

1. множество лексических и сверхлексических (в случае каламбурной рифмы) единиц, составляющих словник наличного «словаря русских рифм»;
2. частотные ранги входящих в словник лексем (и их классов) — особенно существенным будет сравнение интересующего нас материала с частотностью лексем в поэзии в целом, других жанрах словесности, современном языке;
3. сведения о рифменных цепочках (чаще всего — парах), представленных в поэтической речи, а также о гнездах рифм, которые могут быть описаны как элемент поэтического языка эпохи²⁹.

Собственно, исчерпывающее описание этого пространства — задача слишком обширная (и вряд ли реализуемая), которую, однако, следует иметь в виду при описании фрагментов русского рифмовника.

Освоение любого топонима поэзией, несомненно, зависит от двух рядов.

С одной стороны — это культурная мифология, набор оппозиций типа «свое — чужое», «центральное — периферийное», «далекое — близкое», «привычное — экзотическое», определяющих место данного локуса на идеологической карте. А. Ф. Белоусов в недавних работах показал, как в русской культурной мифологии XIX–XXI вв. разными топонимами заполняется место «провинциального захолустья», как его географические координаты сдвигаются с северо-востока («Чухлома») к юго-западу («Конотоп») и затем опять — на восток («Урюпинск») [Белоусов].

С другой стороны, выбор «столицы провинции» определяется не только периферийностью города на ментальной карте, обозначающей границы русской ойкумены (в которые, кстати,

---

текстов чертами. В целях экономии места и в соответствии с избранной точкой зрения на материал мы приводим цитаты без ссылок и даже имен авторов.

²⁹ Обоснование подхода к рифмопаре как «прототексту» см.: [Лейбов, Степанищева, Фрайман].

так и не входит Сибирь), но и фоносемантическими свойствами имени, потенциалом коннотаций, возникающих у носителя языка (отсюда, например, повышенное внимание к Крыжополю).

Несомненно, для нашей темы важно определить «сильные точки» традиции, задающие освоение топонима (можно говорить об аналогии между освоением реалий и семантикой стихотворных размеров). Силой обстоятельств слово «Тарту» вошло в русскую поэзию очень поздно: в XIX в. город был известен под другими именами, а в первой половине XX в. находился слишком далеко от словаря русской поэзии (для русских, живших в Эстонии до 1940 г., он так и остался «Юрьевым»).

В нашем случае инициальными следует признать два текста: во-первых, стихотворение Бродского «Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга» (1985), упомянутое в первой части заметок; во-вторых, почти лишенный авторства (традиционно оно приписывается И. Фонякову) палиндром «Тарту дорог как город утрат»³⁰.

Примечательно, что тема *утраты* объединяет оба «сильных» текста, выдвигая на первый план один из тематических блоков, разрабатывающих тему Тарту как локуса — элегический.

Впрочем, другой локальный комплекс — *путешествие* — представлен в тексте, хотя и гораздо менее популярном, но также широко известном — песне А. Герасимовой, также упомянутой в первой части настоящей публикации.

Введение в русские стихи топонима «Тарту» вовсе не всегда будет связано с тематическим вхождением реалии в текст — т.е. описанием нынешнего или прошлого места пребывания героев (статика) или движения туда/оттуда (динамика). Такое нетематическое введение имени города мы находим в упомянутом стихотворении Бродского (собственно, тут нет никакого

---

³⁰ Встречаются варианты: «Тарту — город утрат» и «Тарту — город дорѳ, утрат».

«Тарту» — есть данная в сравнительном обороте метонимия метонимии «табличка с именем»³¹).

Оставляя в стороне намеченные выше семантические координаты Тарту, слегка сдвинувшиеся в последнее время вслед за изменением государственных границ, обратимся ко второму фактору доместикации имени поэзией — к фонетике.

Тарту повезло: это имя не вызывает у носителя русского языка никаких отрицательных ассоциаций, его умеренная экзотичность (грамматически выраженная несклоняемостью) фонетически не затруднительна: нету ни сложностей с ударением, ни вводящих в соблазн двойных (долгих) гласных (ср. в одном «локально-тартуском» стихотворении: *По реке Эмайыги, / Под холмом Тоомеяги / Проводили челноки / Бородастые варяги*, ср., впрочем, в другом тексте уверенное владение правилами эстонского ударения и слогоделения: *Сброшу с души вериги / На берегу Эмайыги; / Снова доверю бумаге / Строки о Тоомеяги*).

Появление имени в рифменной позиции всегда значимо, примеров «рифменоименных» текстов в русской традиции — множество, начиная с XVIII в., где устанавливаются одические клише рифмовки имен императриц, и заканчивая, например, первым из «Стихов к Блоку» («Имя твое — птица в руке...») Цветаевой, где прямолинейное рифмование заменяется ана-

---

³¹ Это замечание, впрочем, требует уточнения с учетом сведений о биографии поэта. Топонимы «Вырица» и «Тарту» объединены как «ленинградская периферия», пункты по *дороге утрат*, ведущей прочь от родины к «местностям, нанесенным точно вчера на карту». Упоминание Вырицы соединяет аллюзии на Набокова (вспоминавшего о ловле бабочек в Выре, неподалеку от Вырицы) и Пушкина (Самсон Вырин и тема надгробного плача на родительской могиле). Упоминание Тарту может быть дополнительно мотивировано не только палиндромическим прочтением, но и воспоминаниями о пребывании в городе, где поэт (в 1968 г.) гостил в доме П. С. Рейфмана и Л. И. Вольперт. И хотя хозяев в это время в Тарту не было (Бродского принимал их сын С. П. Рейфман), фамилия хозяйки, возможно, стала известна сыну Марии Моисеевны Вольперт (девичья фамилия матери Бродского).

граммированием. Русская стиховая (и шире — языковая) культура, вообще говоря, стремится встроить новое слово, имя, реалию в свою систему, подбирая к ним рифмопары.

Показательно, что рифмуется слово «Тарту» (иногда несколько раз) в более чем половине случаев (38 рифмопар в 65 текстах). При этом, как это обычно бывает, малочисленные рифменные гнезда стремятся к выделению доминирующих рифменных клише, соответствующих движению поэтического сюжета. Попробуем поглядеть на наш материал с этой точки зрения.

Прежде всего, следует сказать о том, чего в нашем материале нет. Нет ни Декарта, ни Барта, ни Бонапарта, ни Астарты (список можно продолжать), хотя некоторые другие имена собственные представлены. Нет точно рифмующихся в дательных и приблизительно в других падежах производных от корня «арт», нет стандарта, штандарта и рифмующихся точно в винительных плацкарты и кварталы. Нет также каламбурных рифм с указательным местоимением «та» и приблизительно рифм с частицей «-то».

В нашей выборке представлены:

1. Неточные рифмы (6). Их можно разделить на:

1.1. богатые, маркирующие принадлежность к поэтической культуре XX в.:

И дребезжит трамвайчик “Tatra”, / Грохочет сердце, словно сталь. / Сегодня тает снег и в Тарту, / И снега мне немного жаль...

В ко сну готовящемся Тарту / Метелят пятеро двоих; / И у меня хватает такта / Не вмешиваться в драку их.

1.2. Бедные, чаще всего связанные с версификационной наивностью авторов стихов:

Где же переходит ложь в правду? / И навязчивость — в состраданье? / И обыденность — в оправданье? / Где нас счастье ждет? В Москве? В Тарту?

Его шинель легла под Тарту, / где Эмайыги делит Бог, / и правда женщиной распятой, / честь за Победу отдаёт.

Стоит во поле береза, / На березе — дятлы. / Меня милый отъезил / И уехал в Тарту.

И будучи в старости, / вспомнишь ты с радостью / прекрасную Ялту, / прекрасные Киев, Тбилиси и Тарту.

2. Рифмы со сдвигом ударения (2) демонстрируют, что сам по себе топоним не вполне усвоен русским языковым сознанием:

Бог в тишине стоит не верит себе и в себя / рыба плывёт перед ним тьмой и хвостом шевеля / мёртвый садовник встал курлыкать свою немому / слово горит как хлеб звездю в глухом Тарту: / «нет ни имён ни бога люди не верят мне» — / Бог как щенок заплакал и умер в немой стране

Почему ты живешь не в Кургане? / Почему я живу не в Тарту? / Иногда лишь в легком дурмане, / Верю в то, что к тебе я прииду!

3. Что касается точных рифм³², то здесь можно констатировать наличие одной доминирующей пары, фактически образующей уже рифменное клише. Вполне в соответствии с языковой частотностью, усиленной поэтической традицией «сильных текстов», абсолютно (более, чем в половине случаев) здесь доминирует лексема, позволяющая совместить топоним и естественную среду его обитания — карту. При этом, однако, карты, склоняемые так или иначе здесь, вовсе не всегда

3.1.1. *карты* географические (12)

Я как маленькая золотая рыбка. / В школе я плавал перед картой: / не мог показать на ней город Тарту, / не мог рассказать про древнюю Спарту, / хотя и сидел за передней партой!

Знаешь, город, я вернусь к тебе бумерангом / От небесного Питера, от старых улочек Тарту, / Может, город, ты даже повысишься рангом, / И мы смело впишем друг-друга в новую карту...

Потом глядим на карту — / Там городов и стран, — / Париж, Одесса, Тарту, / Россия, Рим, Иран...

Однажды папа ездил в Тарту, / Привез домой зачем-то карту

³² Здесь и далее примеры приводятся выборочно.

Эстония, Тарту, / Дороги благие, / Мягкие травы, / И трель соловья, — / Вновь делят карту / Людям чужие — / Власти оравы — / Не Ты и не я.

3.1.2. Также это *карты* игральные (6), упоминающиеся чаще всего в переносном значении, что согласуется с тематическим комплексом в динамическом варианте (отъезд).

Что я поставил на карту, / уехав в Тарту?

Сказала ты, что едешь на две недели в Тарту, / И этим ты поставила жизнь мою на карту. / Конечно, понимаю, что это ерунда, / Но всё таки скачай [sic! — Р. Л.] ужасно без тебя!

Все, что есть, я поставлю на карту / и ничуть не раскаюсь потом, — / мы еще посетим в Старом Тарту / этот рай под совиным крылом.

Однако в прямом значении они также упоминаются:

Распасы спасут вас даже в Тарту, / И в привычных русских кабаках: / Если у тебя плохие карты — / С минимумом взяток на руках.

3.1.3. Гадальные *карты* дважды встречаются в одном тексте, вновь сочетаясь с тематическим использованием топонима:

Не ответит балтийский прибор, / Не ответят гадальные карты, / Почему так влекут за собой / Пейзажи старинного Тарту.

4. Школьная *парта* (4 случая) закономерно соседствует с картой: в трех из четырех примеров мы имеем дело с длинными рифменными цепочками, где введение топонима мотивировано внетематически, вроде:

В школе я плавал перед картой: / не мог показать на ней город Тарту, / не мог рассказать про древнюю Спарту, / хотя и сидел за передней партией!

звуконись на то и есть, / чтоб случайно в душу влезть, / о хрусталь разбить чтоб сталь, / чтоб на крыше снег растаял... / Карту чтоб раскрыть, и Тарту / с сыном поискать за партией...

и лишь в одном — с актуализацией темы нашей Alma Mater:

Все годы с девочками парту / Делю, а класс и школьный дом / Заполнен смехом их — хоть в Тарту / Сбегай — подальше, но и там, / Поди, достанет визг девчачий...

5. Особое место в современном рифмовнике занимают другие топонимы (3), сюда же относится неточная рифма «Ялту — Тарту», см. выше). Речь опять идет о нетематическом включении топонима в текст (в двух случаях «Тарту» означает «некоторый далекий город» и вновь отсылает к школьной теме, последний пример — из не вполне внятной патриархально-утопической инвективы, упоминает «Тарту» как «один из современных западных городов»):

Лучше б [мышь. — Р. Л.] заползла на парту, / в школе отыскала б карту. / Могла б найти там город Тарту / и древнюю страну Урарту.

Что мы видим сегодня? То Тарту, / То Гаагу, то вовсе Брюссель... / Нет могучего царства Урарту — / Только НАТОвский мерзкий кисель.

6. Периферийно встречаются рифмы с корнями «март» (2), «азарт» и «старт» (по 1):

Странные слова у марта / Ты умрешь теперь, в апреле / Где-то за границей, в Тарту / Ты лежишь в своей постели.

Пришла весна в начале марта. / Своим теплом согрела чай. / Похоть так хочу я в Тарту, / Чтобы покинула печаль.

Прощаясь, пили без азарта / И жали руки невпопад: / «Послушай, э, зачем нам Тарту, / Ты в Ереван поедешь, брат».

Собираясь на мари, / как Олег сбирался / к хазарам, // Как кривая продаж / в ритме вальса / пятится к старту, // Как турист (только наш!) / едет в Зальцбург / с своим самоваром, // То есть с образом Юрмалы, / Таллинна или Тарту.

В русском рифмовнике, таким образом, семантическое поле топонима «Тарту» определяется, в первую очередь, не географико-культурной семантикой, не тематическими рифмами, но фонетикой, рифмообразующим потенциалом: конечно, сложившейся уже «элегической» традиции *Тарту дорог как город утрат*, но в массовой стихотворной современной продук-

ции это, прежде всего, — один из городов на *карте*, которую школьники рассматривают сидя за *партой*.

ЛИТЕРАТУРА

Белоусов: *Белоусов А. Ф.* «Уездная глушь захоlustья» // *Natales grate pumeras?* Сб. ст. к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008.

Лейбов, Степанищева, Фрайман: *Лейбов Р., Степанищева Т., Фрайман И.* Рифменное клише как аргумент в идеологических спорах: к истории одной русской рифмопары // *И время и место: Истор.-филологич. сб. ст. к 60-летию А. Л. Осповата.* М., 2008.